

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российский государственный гуманитарный университет
Международный научный семинар
«Культура детства: нормы, ценности, практики»
Российское общество интеллектуальной истории
(Казанское отделение)
Российская академия образования
Институт теории и истории педагогики

**ДЕТСТВО В НАУЧНЫХ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ:
ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Сборник научных статей и сообщений

**КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
2011**

УДК 930.2
ББК 63.2
Д 38

Редакционная коллегия:
В.В. Астафьев, В.Г. Безрогов, Д.М. Галиуллина, Г.П. Мягков,
А.А. Сальникова (отв. ред.)

Д 38 **Детство в научных, образовательных и художественных текстах: Опыт прочтения и интерпретации:** сборник научных статей и сообщений / сост. и отв. редактор А.А. Сальникова. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 146 с.

Основу сборника составили доклады и сообщения, сделанные в ходе работы Международного круглого стола «Детство в научных, образовательных и художественных текстах: Опыт прочтения и интерпретации», прошедшего 11 – 12 ноября 2010 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете в рамках постоянно действующего Международного научного семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики».

Для научных работников, аспирантов, студентов, учителей и широкого круга читателей.

УДК 930.2
ББК 63.2

© Коллектив авторов, 2011;
© Казанский (Приволжский)
федеральный университет, 2011

Т.А. Власова

Прецедентные образы в эстетическом ландшафте школы

С появлением работ М. Фуко начал развиваться анализ дисциплинарных практик индустриального общества. Школьное пространство востребовано в работах М. Фуко как поле сравнения с институтом клиники или тюрьмы¹. Обнаруживается, что в европейской школе Нового времени дисциплина – основополагающая практика. Человеческое тело вовлечено здесь в технологию Власти-Знания. Благодаря дисциплине, тела школьников становятся тотально контролируемыми.

Феномен школьной дисциплины представляется связанным со школьным эстетическим ландшафтом. Термин «эстетический ландшафт» широко используется в современной социологии и социальной антропологии и сопоставим с такими понятиями, как «социальное пространство» и «социальная эстетика». Д. МакДугалл связывает проявления социальной эстетики с диапазоном культурно патернизированного чувственного опыта, позволяющего «определять то, что знакомо и незнакомо»². В пределах ландшафта воспроизводятся образцы поведения и дискурсивные структуры, которые распознаются членами сообщества или сообществ, помещенных в ландшафт.

Элементом школьного эстетического ландшафта является школьная форма, в рамки которой мы вписываем и существующий во многих учебных заведениях дресс-код. Школьная одежда имеет не столько утилитарный характер, сколько позволяет воспроизводить социальные позиции родителей, учеников и учителей. Она имеет дисциплинарные функции, а также участвует в процессах воспроизводства социального и гендерного неравенства.

Как правило, в культуре имеют хождение прецедентные тексты. Они обеспечивают трансмиссию общего, «фоновое» знание³. Это качество позволяет прецедентным текстам репрезентировать коллективность, то есть выражать особенности разнообразных групп (folk) и формы, в которых групповые характеристики осознаются. Причастность к общему знанию дает человеку возможность ориентироваться в пределах социального пространства и соответствовать предъявляемым правилам и нормам.

Наряду с прецедентными текстами в культуре имеют хождение прецедентные образы. Функционирование тех и других нельзя считать аналогичным, однако можно обнаружить некоторое сходство.

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 201.

² МакДугалл Д. Социальная эстетика и Дунская школа // Визуальные аспекты культуры. 2007. Ижевск, 2007. С. 219.

³ Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. С. 47.

Для нашего исследования наиболее значимым было соотношение между использованием школьной формы и воспроизводством социального неравенства. Н. Смелзер сравнивает практику использования школьной формы с тем, что крупный британский социолингвист Б. Бернштейн называл ограниченным речевым кодом.

Б. Бернштейн выделял два типа речевых кодов: ограниченный и расширенный¹. Каждому из них соответствует свой тип социального устройства. Ограниченный речевой код характерен для закрытых обществ со строго определенной, позициональной структурой социальных ролей. Он отсылает к репрезентативному ряду лингвистических и синтаксических альтернатив, а значит, к предписанной социальной роли. Б. Бернштейн указывает, что ограниченный речевой код обычно используется в достаточно замкнутых сообществах, члены которых опираются на опыт, общий для них. Школьные сообщества могут быть отнесены к таковым.

Ограниченному речевому коду Б. Бернштейн противопоставляет расширенный речевой код, предлагающий широкий ряд альтернатив для использования при организации речи в ситуациях, когда опыт другого явным образом отличен от своего собственного. Расширенный речевой код используется в сообществах с открытыми системами социальных ролей и является основой для индивидуализирующей символики, в то время как ограниченный речевой код предлагает возможность для воспроизводства коммунализирующей символики².

Если принять идею, что школьная форма является частным случаем ограниченного речевого кода, перенесенного из языковой системы в систему визуальных репрезентаций, то источником выразительных схем могут служить иллюстрации учебника и образы медиапространства: открытки, кино- и мультипликационные фильмы.

В качестве первого приближения в исследовании были использованы обложки учебников для начальной школы. Этот выбор обусловлен тем, что учебники для младших школьников снабжены наибольшим количеством образов детей, в то время как учебники по отдельным предметам переходят к изображениям предметного материала. Кроме того, в начальной школе наиболее велика потребность в прецедентных образах для предъявления детям, только осваивающим культурные образцы. Обложка аккумулирует наиболее плотно насыщенные образы.

На обложках букварей, начиная с послевоенного времени до 1980-х гг., представлены дети в советской школьной форме. Различие заключается в том, что в течение этого времени на иллюстрациях в самом букваре увеличивается количество образов детей вне школьного пространства и, следовательно, в домашней или спортивной одежде. На иллюстрациях 1950-х гг. изображены, например, девочки только в школьной форме и обя-

¹ *Bernstein B. Class, codes and control. Vol. 1. Theoretical studies towards a sociology of language. N.Y., 2007. С. 145.*

² *Ibid. P. 148.*

зательно с белым фартуком. Вероятно, белый фартук является символом успехов в учебе и дисциплинированности. Этот смысловой зазор можно уповить в мультфильме «Девочка в цирке» (режиссеры В. и З. Брумберг, по сценарию Ю. Олеша, 1950), где прилежная ученица пришла в цирк в белом фартучке, а нерадивая – в черном. Важно, что в домашней обстановке девочка тоже показана в форме. Это одновременно прием социальной эстетики и способ визуально определить ученицу. Тот же прием мы видим в фильмах «Королевство кривых зеркал» (режиссер А. Роу, 1963) и «Первоклассница» (режиссер И. Фрэнк, 1948).

В букваре 1980-х гг. прецедентный образ детей в форме сохраняется на обложке, однако на страницах букваря увеличивается количество иллюстраций, представляющих детей в ситуациях повседневной школьной жизни. Если на торжественных мероприятиях они одеты по-праздничному, что выражается в белых фартучках девочек, то в столовой или на дежурстве позы более непринужденны и девочки одеты в черные фартуки. Предъявлены образы детей в домашней обстановке, за игрой, во время физзарядки. В культовом фильме 80-х гг. «Гостя из будущего» (режиссер П. Арсенов, 1984) герои одеты в школьную форму, но всегда в ее повседневном варианте. Теряется символический статус школьной формы как показателя успешности, но сохраняется функция визуального определения.

Среди современных учебников для исследования были выбраны букварь и пособия по русскому языку и математике по программе Эльконина-Давыдова. Эти учебники богато иллюстрированы. В современном варианте школьной формы дети не представлены ни разу. Одежду детей можно признать соответствующей дресс-коду: мальчики одеты в рубашки и брюки, а девочки – в платья. Один из мальчиков носит джемпер, который подчеркивает его сходство с папой-инженером. Брюки мальчиков и платье девочки яркого зеленого цвета, хотя в интервью учителя школ подчеркивали, что таких ярких цветов в школе не одобряли. Более того, на обложке учебника русского языка для третьего класса мальчик одет в джинсы, которые отрицательно маркированы в школьном пространстве. Дети могут быть одеты в свитера, футболки, шорты, то есть они показаны именно как дети, а не как ученики.

Важен образ девочки, одетой в брюки, в учебниках математики этой программы. Вероятно, это результат воздействия скрытого учебного плана, в котором математика и точные науки вообще рассматриваются как предметы, где преуспевают мальчики.

В ходе исследования школьникам было предложено нарисовать одежду, в которой они хотели бы ходить в школу. Удалось выявить ряд прецедентных образов: современная школьная форма; медиаобразцы (из журналов, компьютерных игр, кино- и мультфильмов); одежда молодежных течений; военная форма.

Таким образом, нынешняя ситуация характеризуется меньшей степенью корреляции между предлагаемыми прецедентными образами и требованиями учителей. В доперестроечный период существовало значительно

меньше альтернатив, что способствовало поддержанию правил школьной одежды, в равной степени признаваемой школьниками, учителями и родителями. Расширившийся спектр альтернатив ослабил статус школьной формы так, что одежда стала инструментом поддержания и/или сопротивления организационной дисциплине. Произошел переход к иной социальной эстетике, где предпочтение отдается расширенному, а не ограниченному символическому коду.

Ольга Бухина

Маленький американец: портрет в переводе

Америка и американцы всегда волновали читателя в далекой России. Какими же представляли себе американцев русские читатели? В конце XIX в. Америка виделась детям этакой «Страной Чудес»; если туда убежать, исполнятся все желания. Американские индейцы, описанные Ф. Купером и Майн Ридом, казались верхом совершенства, ни реальных американцев, ни иных литературных героев читатель практически не знал. Как отмечает А. Арустамова, в литературе XIX и начала XX вв. – в чеховском рассказе «Мальчишки» и в других произведениях, затрагивающих тему бегства в Америку – Америка и Россия противопоставлялись, олицетворяя дихотомию свободы и несвободы¹.

Однако, после революции Америку стали представлять себе иначе, она как бы раздвоилась на мир плохих богачей и мир хороших бедняков. Достаточно скоро появляются советские произведения, описывающие американцев, часто в комичном виде – «Месс-Менд» М. Шагинян, «Мистер Твистер» С. Маршака, забавное стихотворение В. Инбер «О мальчике с веснушками». Хотя герои советской литературы уже не мечтают о бегстве в Америку – за одну мысль об этом, очевидно, полагался расстрел – интерес к американской жизни не исчезает, и американская приключенческая литература продолжает быть весьма популярной. Представление о Западе в целом и об Америке в частности в детской литературе сталинского периода носило еще более идеологизированный характер².

В 30-е гг. советскому читателю стали широко доступны отредактированные К. Чуковским переводы «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна»,³ произведений гораздо более реалистических, описывающих социально-

¹ Арустамова А.А. Америка в детской литературе конца XIX века в России // Вестник Пермского университета. Российская зарубежная филология. Вып. 4. Пермь, 2009.

² Фатеев А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. М., 2007.

³ Твен М. 1) Приключения Тома Сойера / под ред. К. Чуковского. М., 1933; 2) Приключения Гекльберри Финна / под ред. К. Чуковского. М., 1933.